

Сов. Кривотурч. - 1990. - 17 июля - с. 6

«Мне везло на людей...»

на в Ростове-на-Дону. И много лет спустя, по словам Самариной, Раневская часто рассказывала, как она при встрече с Качаловым говорила ему: «Василий Иванович, у Вас появился соперник по обаянию». Тот, улыбаясь, отвечал: «Знаю, знаю, Николай Иванович Соболевичи-Кочмарин».

Свои симпатии Раневская позже перенесла с отца на дочь, Антонину Николаевну, с которой была знакома еще со времен ростовской антрепризы. Особенно сблизилась и подружилась актрисы в Доме творчества Комарово, где вместе отдыхали в шестидесятые годы. У обеих была позади большая и сложная жизнь в искусстве. Им было что вспомнить. Иногда навещали жившую в своей «будке» А. А. Ахматову, слушали стихи, подолгу молчали. У каждой было свое одиночество.

Из Дома творчества Раневская писала в Горький вслед Самариной, уехавшей раньше.

«Голубушка Антонина Николаевна, меня очень смутил Ваш роскошный букет. Ведь это я должна была сделать сама. Спасибо, милая, но мне почему-то совестно. И в этом моя житейская бесталанность, не догадалась Вас в дорогу снабдить букетом или чем-либо вкусным. Очень грустно было ходить по нашим дорогам без Вас. Милый Вы человек, легкий, умный. С Вами и говорить легко и молчать можно. В день Вашего отъезда был противный, нудный дождь, и я подумала, что Вы правильно сделали, отбыв из нашего бессортного и безводного дома отдыха имени Анны Карениной... Грустно. Сегодня за ночь прочитала книжку Вадима Андреева «Детство», хорошая книга и

очень печальная. Достаньте. Если будет у вас «окно», милости прошу в Москву в мое студенческое скромное жилище. Как доехали? Как рука? Обнимаю. Ваша Ф. Раневская-Финляндская». А по бокам листа приписки: «Ваш букет стоит на окне и очень украшает мою необураемую конуру. Спасибо. Обнимаю. От души желаю Вам удачи и новой работы. Я сплунула, не бойтесь...»

А. Н. Самарина в гострольных поездках и на отдыхе не расставалась с фотоаппаратом. В то комаровское лето многие его эпизоды были запечатлены ею на пленку. В ответ на присланные фотографии Раневская писала с благодарностью: «Спасибо, милая Антонина Николаевна, за фото и письмо. Как Вы наловчились снимать!.. Сижу и рассматриваю фотографии и досаду на себя за то, что толстая старуха — это я!!! Пьесу «Жаркое лето» читала, от всей души желаю Вам полюбить эту хорошую немку, и таное бывает. (Речь идет об инсценировке романа Э. Кьюсан «Жаркое лето в Берлине», поставленной в горьковском театре в 1964 г. — В. Ж.). А вот моя суна Мария Александровна по-прежнему мне ненавистна. (Инсценировка романа Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон». — В. Ж.). Боюсь провала, я самолюбива и буду рыдать в голос от газетной ругани, а, в общем, в свете событий на мировой арене мой предстоящий провал — мелочь... Я буду очень рада Вашему приезду, а если пожелаете у меня остановиться — я буду вдвойне рада. Сижу вечерами одна в неистой тоске. В театры не хожу. Изредка хожу в концерты, поскольку — «одной любви музыка уступает...».

В 1963 году Раневская пришла в Театр им. Моссовета, где и работала до конца своей жизни. А в 1964 году сыграла там свою первую роль — Марию Алек-

сандровну в «Дядюшкином сне» по Достоевскому. В письме Самариной была предельно откровенной:

«...Премьера прошла, спектакль, как будто, нравится, я ташу на себе воз, успеха не имею, устаю так, будто подняла целину без посторонней помощи. Ни над одной ролью столько не работала, а результаты убогие. Моя героиня антипатична, лишена человеческого обаяния. «Мастерство» же мое, очевидно, не убеждает. Куда приятнее играть бандитку или стерву. Живется мне по-прежнему трудно, грустно и одиноко очень. Напишите, дорогая, какие я Вам обещала книги? В последних номерах «Иностранной литературы» была очень талантливая вещь моего любимого Грэма Грина — название забыла. Печальная и удивительно талантливая повесть, а книги пошлю, если напишете, а то будете меня считать мелкой врунью, ведь я обещала. Обнимаю Вас крепко, не забывайте Вас любящую Ф. Раневскую».

Летом 1965 года горьковчане гастролеровали в Москве, но актрисам встретиться не удалось — Театр имени Моссовета в это время был в Ленинграде. А еще два года спустя Самарина на несколько дней приезжала в Москву, побывала на спектакле с участием Раневской, но поговорить по душам не удалось — Самарина уже и так задержалась в столице. Об этом с сожалением писала впоследствии Фаина Георгиевна.

«Дорогая, милая и безгранично мне симпатичная Антонина Николаевна! Наконец-то от Вас письмо, я ему очень обрадовалась. Обрадовалась очень, узнав, что Вы здоровы и невредимы. Увидев Вас, обрадовалась еще больше, т. к. Вы очень хорошо выглядели. Ждала звонка, огорчилась тем,

что он не последовал. Играла в тот вечер из рук вон плохо. Решила, что я настолько Вам не понравилась, что Вам не захотелось видеть меня в жизни! Я ведь хотела Вас звать в гости... Пьесу «Сэвидж» я переделала по своему пониманию — оставив основное в ней, человеческое, доброе. Обкорнала и стригла роль безжалостно. Партнеры падали со стульев от недоумения во время застольной работы, когда я убирала из роли большие куски текста. Актёры думают, что слова — это главное. Актёры — глупое племя!.. Были спектакли, где я играла много лучше, у меня в те дни не очень болела печень, как тот вечер, когда Вы смотрели. Ах, как я хотела Вас увидеть у себя дома. Когда теперь это осуществится?»

В январе 1968 года состоялась премьера пьесы «Странная миссис Сэвидж» и в Горьком. В заглавной роли выступила А. Н. Самарина, которой в том же году было присвоено звание народной артистки СССР. Среди поздравительных телеграмм была, конечно, и от Ф. Г. Раневской. В одном из последних писем она писала:

«Голубушка, милая, как Вам живется? Здоровье, железа, душа, театр? Все ли плохо? Это все не праздное любопытство, а мое к Вам душевное тепло. Не собираетесь ли в Москву? Хорошо бы повидаться. Живу я в Москве — в многомилионном городе, а ведь как бывает одиноко... Не помню, писала ли я Вам, что мне подарили книгу о Нижегородском театре. Читаю ее с волнением, потому что сама в прошлом играла с превосходными актерами, а таного состава актерского, какой был у Николая Ивановича, (Соболевичи-Кочмарина. — В. Ж.) в Ростове-на-Дону — и в Москве не было. Как и Вас, меня больше всего волнует в театре — это отсутствие дисциплины. Дома я растереха, ужасно bestолкова, часами по утрам ишу чулки, которые могут оказаться в

вазе для цветов, а в театре до фанатизма сурова, сосредоточена и всякое разгильдяйство воспринимаю как личное горе. Актёры чудовищно циничны, распушены, а слово «трелет» им просто незнакомо... Очень скучаю, смертно тоскую по П. Л. Вульф. Все эти разговоры о времени-врачевателе — ерунда. Я потому и села Вам писать, что Вам можно сказать о своей тоске... Простите, дорогая, если наскучила своим нытьем. Больше не буду! Скоро Новый год. Желаю всей душой только хорошего. Будьте благополучны. Обнимаю. Ваша Ф. Раневская».

С каким волнением ждала А. Н. Самарина гастролей в Москве летом 1971 года! Предвкушала встречи и беседы с Ф. Г. Раневской. Но этому не суждено было сбыться — внезапно, в конце июня, Самариной не стало. Раневская пережила свою подругу на 13 лет. Каждая из них была яркой величиной в искусстве. И обе они обладали еще одним талантом: даром дружбы, тепла, человечности. А он сегодня — дефицит. И не только на театре.

В. ЖУЧКОВ.
НИЖНИЙ НОВГОРОД.
● Ф. Г. Раневская и А. Н. Самарина в роли миссис Сэвидж.

Раневская Я Ф. Г.

17/11-90

53